Разин мучается

Когда на Волге были ходовые суда, ссадил хозяин в Жигулях одного больного бурлака (таков был действительно бесчеловечный обычай прежнего времени), и пошел он, хворый, по тропе в лес. Долго ли, мало ли шел, только попал бурлак в страшную трущобу. Дело было к вечеру; устал, а приютиться негде. Призадумался бедняк, и застала его в дороге темная ночь. Вдруг впереди, из заросшего оврага, сверкнул огонек. Собравшись с последними силами, путник пошел на него и увидал землянку в непроходимой чаще. Постучался в нее и сотворил молитву. Вышел старый старик, волосами инда весь оброс, такой высокий.

— Дед, укрой меня от темной ночи.

— Ступай своей дорогой, — грубо молвил старик, — нечего тебе здесь делать; или ты страху не видал?

— Чего мне бояться, — отвечал бурлак. — Я хворый, устал, взять у меня нечего.

Он думал, что пустынник про разбойников говорит, — в ту пору по Жигулям сильно пошаливали.

— Ну, пожалуй, коли не страшно, так переночуй, — сказал старик и пустил бурлака в землянку.

Вошел он, видит, что келья большая и старик в ней один, — никого больше нет. «Верно, спасаться удалился сюда какой святой человек», — подумал бурлак, лег в уголок и заснул, с устатка, крепким сном. Только около полуночи просыпается от страшного шума; кругом лес трещит от сильного ветра, по лесу гам идет, крик около землянки, свист. У старика огонь теплится; сидит старик, дожидает чего-то. И налетела вдруг в землянку всякая нечисть. Начала темная сила тискать и рвать старика что есть мочи. А у него груди, словно у бабы, большие. Двое чертей давай эти груди мять, припали к ним, сосут. Бурлак все время лежал ни жив ни мертв от страха. Вся хворь пропала.

Чуть не до самого света тискали нечистые старика, потом вылетели из землянки. Только перед рассветом дед проохнул, дух перевел и говорит

бурлаку: «Знаешь ли, кто я и за что они меня в этих горах мучают?.. Я — Степан Разин; это все за свои грехи я покоя и смерти себе не знаю. Смерть моя — в ружье, заряженном спрыг-травой». И дал Степан бурлаку запись о кладе в селе Шатрашанах Симбирской губернии.

Значилось в записи: «Сорок малёнок (пудовок) золота, многое множество сундуков с жемчугами. На все деньги, которые в кладе, можно всю губернию сорок раз выжечь и сорок раз обстроить лучше прежнего. Вот сколько денег. Ни пропить, говорит, их, ни проесть всей губернии Симбирской. Как дороешься до железной двери и войдешь через нее, то не бросайся ни на золото, ни на серебро, ни на самоцветные каменья, а бери икону Божией Матери. Тут же стоят и заступ, и лопаты, и ружье, заряженное спрыг-травой. Сорок тысяч, награбленных у одного купца, раздай по сорока церквам. Пять рублей меди, брата моего Ивана, раздели между нищей братией. Возьми ружье и, выстрелив из него, скажи три раза: «Степану Разину вечная память!» Тогда я умру и кончатся мои жестокие муки».

Взял бурлак запись и выбрался из Жигулевских гор. Был он, конечно, неграмотный и отдал бумагу мельнику, а тот на ней табак нюхательный сеял. Воспользовались прохожие-грамотники и стали рыть клад. В записи говорилось, что при рытье ударит двенадцать громов, явится всякое войско, и конное, и пешее; только бояться этого не надо.

Долго рыли; бывало, как праздник, так и роют. Осыпался вал и осела дверь. Выход был выкладен жженными дубовыми досками. Может, и дорылись бы, да сплошали в одном слове, — клад-то и не дался. Подходит, это раз, служивый.

— Что, ребята, роете?

Те и ответили:

— Петров крест.

Все в ту же минуту и пропало. Так Стенька и по сю пору мучается.

(Зап. в Самарской губ.)

Садовников Д. Н. Русская земля: Жегули и Усолье на Волге. (Наброски путем-дорогой) // Беседа. 1872. Кн. 11. Отд. 2.

Смотрите также другой вариант этой легенды: Письмо Стеньки Разина